

Е.Н.Басовская

Романтическое начало

Алексей Максимович Пешков выбрал себе псевдоним Максим Горький. Имя к нему так и не «приросло», оставшись, в основном, на книжных обложках. Зато фамилия оказалась настолько подходящей, что многие читатели и не воспринимали ее как псевдоним.

Почему *Горький*? Писатель имел в виду и собственную горькую судьбу, с осмысления которой началось его творчество, и, главное, свою склонность страдать за всех угнетенных и несчастных. Рассказывать о горькой доле человека — таково было вначале его призвание. Когда же он существенно переосмыслил свое место в литературе и общественной жизни, избрав роль борца с режимом, а после — певца нового общества, псевдоним был уже неотделим от личности.

С каких же горьких впечатлений начиналась эта яркая литературная судьба? В первых строчках биографии Алексея Максимовича есть что-то легендарное. В годы его мировой популярности все знали, что Горький — человек из народа, что он, подобно Ломоносову, чуть ли не пешком пришел в Москву, что он был гоним за вольномыслие, знал и «суму», и «тюрьму», но, читая хорошие книги, сам вылепил из себя интеллигента и писателя высочайшего класса.

Так оно, в принципе, и было. Или почти так. Что касается происхождения писателя, которого при советской власти называли «пролетарским», то пролетарским оно не было. Отец Алексея Пешкова работал управляющим в конторе, а дед Василий Васильевич Каширин, в чьем доме мальчик рос после смерти родителей, владел красильным заводом. Семья была трудовая, но скорее мещанская, нежели рабочая. (Это не имело бы особого значения, если бы Горький не сделался со временем «главным» официальным писателем государства, где властвовал классовый подход к любому явлению. В первые десятилетия советской власти происхождение значило в судьбе человека значительно больше, чем его личные качества.)

Детство Горького, о котором он сам подробно рассказал в одноименной повести, было малорадостным. Даже когда в доме Кашириных царил достаток, отношения в семье не отличались теплотой. Потом дед разорился, и Алексея — десятилетнего мальчишку — отдали «в люди», на тяжелую поденную работу. Он не понаслышке узнал нужду и унижения. Тогда, вероятно, и были заложены основы его бунтарства, тогда и начало вызревать в его душе желание разрушить этот жестокий, полный несправедливости мир.

Алексей Пешков был личностью незаурядной. Утомленный тяжелым физическим трудом (а ему приходилось и собирать ветошь, и мыть посуду, и служить грузчиком), он находил в себе силы, чтобы читать. Его дух не был сломлен и не позволил жизни превратиться в простое выживание. Юношу согревали и вдохновляли книги.

Среди того, что запоем читал Алексей Пешков, окончивший два класса слободского училища, были книги самого разнообразного содержания. Позже Горький вспоминал: «читал — много, особенно много — переводов иностранной литературы. Любил читать Библию, а также «Искру» — сатирический еженедельник Курочкиных...» Согласитесь, неожиданное сочетание — Библия и сатирический журнал! Но ни знания, ни опыт еще не позволяли молодому человеку навести хоть какой-нибудь порядок в своем литературном образовании. Так или иначе, книги и статьи революционного содержания оказали на него большее влияние, чем Библия. Горький связывал свое «духовное рождение» с марксизмом: его увлекла идея уничтожения частной собственности и перехода власти в руки трудящихся. Уже к середине 80-х годов он был сформированным атеистом, человеком революционных воззрений.

Однако профессиональным революционером Алексей Пешков не стал. Он был слишком увлечен познанием жизни, чтобы поселиться на одном месте и посвятить себя одному делу. В 1888 и 1891 годах он предпринимал «хождения по Руси»: странствовал по Поволжью и Прикаспию, по Украине, Бессарабии, Крыму и Кавказу. Второй его страстью, не менее сильной, чем тяга к путешествиям, стала литература.

Как и большинство молодых людей, Алексей Пешков писал стихи. В 1889 году он показал свою поэму знаменитому писателю Короленко и получил весьма суровый отзыв. Горький и позже, когда прославился как прозаик, продолжал писать стихи, для многих весьма спорные. Если в прозе он, несмотря на отсутствие образования, быстро обрел мастерство, то в поэзии так и остался на уровне школярском, неуклюже-непрофессиональном. Патетическое содержание в сочетании с примитивной формой — вот что наиболее характерно для стихотворного творчества писателя. Однако писатель не стал добиваться признания своего поэтического таланта.

В 1892 году в тифлисской газете «Кавказ» был опубликован рассказ «Макар Чудра» под псевдонимом М. Горький. И вот что поразительно: ни в одной строке этого небольшого текста не ощущался непрофессионализм молодого автора. Рассказ казался написанным опытной рукой искушенного литератора. Слова не просто передавали содержание — они звучали как музыка:

«С моря дул влажный, холодный ветер, разнося по степи задумчивую мелодию плеска набегавшей на берег волны и шелеста прибрежных кустов. Изредка его порывы приносили с собой сморщенные, желтые листья и бросали их в костер, раздувая пламя; окружавшая нас мгла осенней ночи вздрагивала и, пугливо отодвигаясь, открывала на миг слева — безграничную степь, справа — бесконечное море и прямо против меня фигуру Макара Чудры, старого цыгана, — он сторожил коней своего табора, раскинутого шагах в пятидесяти от нас».

Стиль раннего Горького был подчеркнуто красивым. Писатель сознательно расцвечивал пейзаж яркими эпитетами, сочными метафорами; он не экономил на словах, создавая подробную, многоцветную, прекрасную картину окружающего мира.

По-своему красив был и сюжет рассказа, а точнее — цыганской легенды. Герои истории, рассказанной старым цыганом, — люди красивые, сильные, непохожие на других. Молодой цыган Лойко Зобар любит Радду — девушку сказочной красоты. Она отвечает ему взаимностью, но не желает покориться этому чувству. Свобода и гордость для нее важнее любви. Поэтому красавица хочет прилюдно унижить своего поклонника. Она требует, чтобы он, демонстрируя покорность, бросился ей в ноги. Тогда Лойко предлагает проверить, такое ли крепкое сердце у Радды, каким она его показывает, втыкает ей в грудь нож и бросается на землю у безжизненного тела. Тогда отец девушки убивает преступника. Так «гордая пара» оказывается наконец соединена — не жизнью, а смертью.

Подобные герои и сюжеты были хорошо знакомы читателю — по романтической литературе. Даже сам выбор цыганского материала напоминал о пристрастии писателей-романтиков ко всякого рода экзотике. В пору расцвета русского романтизма, в 20–30-х годах XIX века, персонажами поэм и повестей нередко оказывались цыгане и горцы — люди варварских нравов и диких страстей. Горький, немало повидавший и испытавший к своим двадцати пяти годам, хорошо знал реальную российскую жизнь. Но ему оказалось интереснее писать не о ней, а о воображаемых приключениях романтических героев. Позже, в автобиографической повести «В людях», он объяснял причины своего пристрастия к вымышленным «красивым» сюжетам. В ранней юности он читал много и без разбора и первоначальное представление о литературе составил по французским приключенческим романам:

«...Я глотаю эти книги быстро, одну за другой, и мне — весело. Я чувствую себя участником жизни необыкновенной, она сладко волнует, возбуждая бодрость».

Правда, вскоре Алексей Пешков разочаровался в бульварной литературе и стал отличать талантливые книги от дешевых однодневок. Читать романы Э. Гонкура, Дж. Гринвуда, О. де Бальзака оказалось интереснее, чем следить за немыслимыми перипетиями идеальных героев, непохожих на живых людей. Но и те книги, которые стали для Горького символом настоящей литературы, отражали читательский вкус первой половины XIX века. Произведения, где жизнь изображалась вовсе без прикрас, скорее отталкивали, чем привлекали будущего писателя:

««Мертвые души» я прочитал неохотно; «Записки из мертвого дома» — тоже; «Мертвые души», «Мертвый дом», «Смерть», «Три смерти», «Живые мощи» — это однообразие названий книг невольно останавливало внимание, возбуждая смутную неприязнь к таким книгам...

Но мне очень нравились Диккенс и Вальтер Скотт, этих авторов я читал с величайшим наслаждением, по два-три раза одну и ту же книгу. Книги В. Скотта напоминали праздничную обедню в богатой церкви, — немножко длинно и скучно, а всегда торжественно».

Горький поселился в Самаре и занялся журналистской работой. В «Самарской газете» он поместил рассказ «Старуха Изергиль», полный того же романтического колорита, что и «Макар Чудра». Здесь и «кроваво-красный» диск луны, и «мятежный шум» моря, и «чистые и сильные» голоса поющих женщин... в общем, целый арсенал стилистических средств, превращающих текст в изысканный словесный узор.

Но главное в этом рассказе, конечно, — это две легенды, о гордеце Ларре и о самоотверженном Данко. Ларра, сын орла и женщины, презирал всех и совершил убийство только потому, что понравившаяся ему девушка посмела его оттолкнуть. Люди придумали для него самое страшное наказание — бессмертие и одиночество.

Вторая притча говорит о юноше Данко, который вывел соплеменников из мрачного леса к свету ценой собственной жизни: когда стало невозможно двигаться во мраке, он разорвал себе грудь, вынул сердце, и оно, пылающее любовью к человечеству, осветило людям путь.

«— Идем! — крикнул Данко и бросился вперед на свое место, высоко держа горящее сердце и освещая им путь людям.

Они бросились за ним, очарованные. Тогда лес снова зашумел, удивленно качая вершинами, но его шум был заглушен топотом бегущих людей. Все бежали быстро и смело, увлекаемые чудесным зрелищем горящего сердца. И теперь гибли, но гибли без жалоб и слез. И Данко всё был впереди, и сердце его всё пылало, пылало!»

Горький воспел героя-одиночку, но только такого, который живет ради высшей цели. Обыкновенных же людей, ведомых героем, он не пощадил, подчеркнув их трусость и неблагодарность. Когда Данко умер, «один осторожный человек... боясь чего-то, наступил на гордое сердце ногой... И вот оно, рассыпавшись в искры, угасло...»

Идею рассказа можно сформулировать так: великим вправе называться лишь тот, кто живет среди людей и ради людей, хотя и сознает, сколь они ничтожны.

Можно сказать, что Горький-писатель пошел на смелый эксперимент, возродив в литературе подзабытую романтическую традицию. И читатель откликнулся с воодушевлением. Первые рассказы Горького производили впечатление чего-то свежего и неординарного, и потому они имели неизменный успех.

Компромиссом между правдой жизни и полетом романтического воображения стал рассказ «Челкаш», напечатанный в 1895 году в журнале «Русское богатство». Сама публикация в этом издании много значила для литературной карьеры молодого писателя. Журнал был столичный, известный, с хорошими традициями и солидной редколлегией. Горького направил туда Короленко, который отнесся к его прозе гораздо более благосклонно, чем к юношеской поэме.

Рассказ был о том, как Гришка Челкаш — «старый травленный волк... заядлый пьяница и ловкий, смелый вор», собираясь перевезти контрабандный товар, нанял деревенского

парня Гаврилу грести на веслах. Горький с нескрываемой неприязнью пишет о туповатом деревенском парне и откровенно любителю Челкашом, отмечает его ловкость, уверенность, спокойную силу:

«Гаврила все хохотал, тупыми глазами поглядывая на хозяина. И тот смотрел на него пристально, зорко и задумчиво. Он видел перед собою человека, жизнь которого попала в его волчьих лапы. Он, Челкаш, чувствовал себя в силе повернуть ее и так, и этак. Он мог разломать ее, как игральную карту, и мог помочь ей установиться в прочные крестьянские рамки. Чувствуя себя господином другого, он думал о том, что этот парень никогда не изопьет такой чаши, какую судьба дала испить ему, Челкашу...»

Сюжет рассказа тоже выстроен таким образом, чтобы подчеркнуть привлекательные качества Челкаша и ничтожность Гаврилы.

Получив большие деньги, Челкаш намеревается лихо прогулять их. Это ужасает Гаврилу: он нашел бы им лучшее применение, вложил бы в свое крестьянское хозяйство. Он жалостно умоляет Челкаша отдать ему деньги, и тот решается:

«— На! Жри... — крикнул он, дрожа от возбуждения, острой жалости и ненависти к этому жадному рабу. И, бросив деньги, он почувствовал себя героем».

Гаврила начинает пылко благодарить своего хозяина и сознается, что готов был убить его, чтобы только получить все деньги. Он все, оказывается, просчитал: Челкаш — босьяк, искать его никто не будет. Пораженный подлостью «раба», Челкаш бьет его; тогда Гаврила бросает камень в своего «господина», ранит его и убегает. Но и для такого финнала Гаврила слишком мелок. Он в ужасе возвращается, пытается поднять окровавленного Челкаша, просит прощения, отказывается даже брать проклятые деньги... Но «старый волк» заставляет его взять бумажки:

«Бери! Бери! Не даром работал! Бери, не бойсь! Не стыдись, что человека чуть не убил! За таких людей, как я, никто не взыщет. Еще спасибо скажут, как узнают. На, бери!»

Так они и расстаются — на морском берегу под проливным дождем. Челкаш, шатаясь, уходит, а Гаврила, взглянув на деньги и облегченно вздохнув, отправляется в противоположную сторону. Сцена эта глубоко символична. Любимым героям раннего Горького, бродягам и бунтарям, не по пути с расчетливыми людишками, привыкшими считать каждую копейку. Челкаш, прогнав Гаврилу, сохранил не только свою жизнь, но и свободу. Он свободен от работы, семьи, страха за будущее.

Философию, отразившуюся в рассказе «Челкаш», Горький почерпнул прежде всего в трудах немецкого философа Ф. Ницше. Тот создал образ Сверхчеловека, подчинившего себе природу. Образ личности, не подвластной никаким законам, рисовал и Горький. Увлечение идеями Ницше естественно сочеталось у него с политическими взглядами, близкими к анархизму.

В 1898 году вышла в свет первая книга Горького — «Очерки и рассказы» в двух томах. Публика приняла ее восторженно. Автора же тем временем арестовали в Нижнем Новгороде (там он работал в газете) и препроводили в Тифлис для дознания по делу о деятельности революционного кружка. Дело было прекращено за недостаточностью улик, но писатель попал под особый надзор полиции.

Говоря в последующие годы о том, что он был гоним при царском режиме, Горький не кривил душой. Он лишь несколько сгущал краски. Факт его ареста за политические убеждения не вызывает сомнений. Однако после освобождения он продолжал свободно печататься. То, что его преследовали власти, делало его фигуру вдвойне привлекательной для большей части интеллигенции, настроенной оппозиционно. Когда в 1899 году модный писатель впервые приехал в Петербург, в редакции журнала «Жизнь» в его честь был устроен большой банкет. Окруженный поклонниками своего таланта, Горький выступал на литературных вечерах с чтением «Песни о Соколе».

Этот небольшой текст лишь условно может быть назван песней, хотя не принадлежит и к жанру рассказа. Он несколько напоминает древнерусское слово, поскольку рассчитан в первую очередь на чтение вслух, ритмизован и глубоко патетичен.

Позже недоброжелатели Горького не раз иронизировали над тем, что он заставил Ужа заползти высоко в горы, где этому пресмыкающемуся вовсе не место. Но писатель и не претендовал на фактологическую достоверность. Он сочинил очередную притчу, герои которой не живые существа, а аллегории тех или иных человеческих качеств.

Сокол, разбившийся о камни ущелья, умирает с сознанием счастливо прожитой жизни:

«— Я славно пожил!.. Я знаю счастье!.. Я храбро бился!.. Я видел небо...»

Его чувства совершенно непонятны Ужу — тот предпочитает оставаться там, где «тепло и сыро». Увидев, как раненый Сокол кинулся вниз со скалы и погиб в волнах моря, Уж решает тоже испытать ощущение полета. Но — «рожденный ползать — летать не может!» Он падает на камни и смеется над теми, кто стремится взлететь над землей. А волны моря тем временем слагают гимн бесстрашным героям:

«Безумству храбрых поем мы славу! Безумство храбрых — вот мудрость жизни! О, смелый Сокол! В бою с врагами истек ты кровью... Но будет время — и капли крови твоей горячей, как искры, вспыхнут во мраке жизни, и много смелых сердец зажгут безумной жадной свободой, света!

Пусть ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!

Безумству храбрых поем мы песню!..»

«Песня о Соколе», талантливо написанная, необыкновенно музыкальная, производила на публику колоссальное впечатление. Она звучала как ответ унылой атмосфере декаданса, будила в людях веру в себя и жажду деятельности. Горькому нравилась роль Данко, ведущего народ к свету. Но никто пока не знал, пойдет ли писатель, как и его любимый герой, на любые жертвы ради нравственно несовершенного, заблудшего человечества.